

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций
Кафедра цифровых медиакоммуникаций

**Отчёт о летней производственной практике
на сайте исторического журнала Diletant.media**

студентки 3 курса 7 группы
очной формы обучения
направления «Журналистика»
Шпаковой Марии Александровны

Санкт-Петербург
2018

Содержание:

Введение.....	3
Описание места прохождения практики.....	4
Календарный график прохождения практики.....	5
Описание выполненных заданий.....	6
Заключение.....	7
Приложение	

Введение

Летняя производственная практика проходила в период с 23 июля по 24 августа 2018 года на сайте популярного исторического журнала Diletant.media. За это время я поняла, в чём заключается особенность подготовки материалов для специализированного издания: мною были получены навыки работы с историческими источниками (дореволюционными публикациями, документами столетней давности, мемуарами и др.), анализа больших объёмов информации и проверки её на наличие противоречий и фактических ошибок, нахождения интересных тем, отвечающих направлению журнала.

Целью моей практики являлись:

- 1) формирование и развитие профессиональных знаний и навыков;
- 2) применение полученных в ходе первых двух лет обучения практических навыков создания журналистских текстов;
- 3) работа с источниками информации;
- 4) улучшение коммуникативных навыков.

Основными **задачами** прохождения практики были:

- ✓ знакомство с работой редакции сайта;
- ✓ изучение требований, предъявляемых к работе журналиста и подготовленным к публикации материалам, в данной редакции;
- ✓ знакомство с принятой в редакции практикой взаимодействия в ходе подготовки материала;
- ✓ формирование навыков редактирования подготовленного материала по рекомендациям редактора;
- ✓ формирование навыков оперативной журналистской деятельности с соблюдением сроков сдачи материалов.

Описание места прохождения практики:

Diletant.media – сайт журнала «Дилетант», ежемесячного исторического издания, которое выходит в России с января 2012 года. Это познавательный интернет-проект, рассчитанный на тех, кто любит историю и хочет знать о ней как можно больше. Исторический контент подаётся авторами в форме увлекательных материалов, написанных доступным непрофессиональному историку языком.

На сайте представлены разнообразные рубрики, каждая из которых делится на тематические направления: «Статьи» («Детальный разбор картинки», «Документ», «Искусство войны», «История одного шедевра», «Процесс», «Сними это!» и др.), «Сущность дня» («Герб дня», «Ну и денёк», «Цифра дня», «Цитата дня» и др.) и проч.

Diletant.media использует различные возможности мультимедиа для вовлечения читателей в контент. Например, в рубрике «ЕГЭ», можно проверить свои знания, ответив на несложные вопросы на заданную историческую тему. «Личностный тест» позволяет сравнить себя с тем или иным деятелем прошлого. Рубрика «Экскурсия» предлагает проследовать по знаменитому маршруту онлайн. Также Diletant.media проводит прямые трансляции из Эрмитажа, интервью с сотрудниками музея. Помимо этого публикуются новости из сферы истории и культуры. На сайте можно завести собственный блог.

Раз в месяц о новом номере печатного журнала на радио «Эхо Москвы» рассказывает программа «96 страниц». Кроме того, на сайте радиостанции есть отдельный блог Diletant.media, где ежедневно публикуются лучшие материалы сайта.

Календарный график прохождения практики

Дата публикации	Название	Объём в знаках
28 Июля 2018	«Всякие»: повесть испепелённая цензурой	10 754
5 Августа 2018	Черубина, да как же так?	9 508
24 Августа 2018	«Я буду иметь всё или умру»	11 693
Всего знаков (с пробелами): 31 955		

Описание выполненных заданий

Материал «"Всякие": повесть испепелённая цензурой» – мой первый «дилетантский» эксклюзив. Современного издания «Всяких» А. С. Суворина мне найти не удалось, поэтому я работала с дореволюционной версией 1909 года. В ходе знакомства с литературой по теме я выбирала малоизвестные факты, сопоставляла сведения из разных исторических источников, чтобы выявить противоречия и не допустить фактических ошибок.

Текст о жизни Елизаветы Дмитриевой «Черубина, да как же так?» был помещён в блог Diletant.media на сайте радиостанции «Эхо Москвы», где набрал почти 10 тысяч просмотров.

Идея третьей статьи «Я буду иметь всё или умру» о судьбе художницы Марии Башкирцевой появилась при работе над предыдущим материалом, из чего я сделала вывод о том, насколько важно обращать внимание на детали: некоторые частности могут стать темой отдельной статьи.

При подготовке текстов нужно было познакомиться с самой распространённой в Сети информацией по освещаемой исторической проблеме, чтобы отбросить банальности и написать оригинальный материал.

Заключение

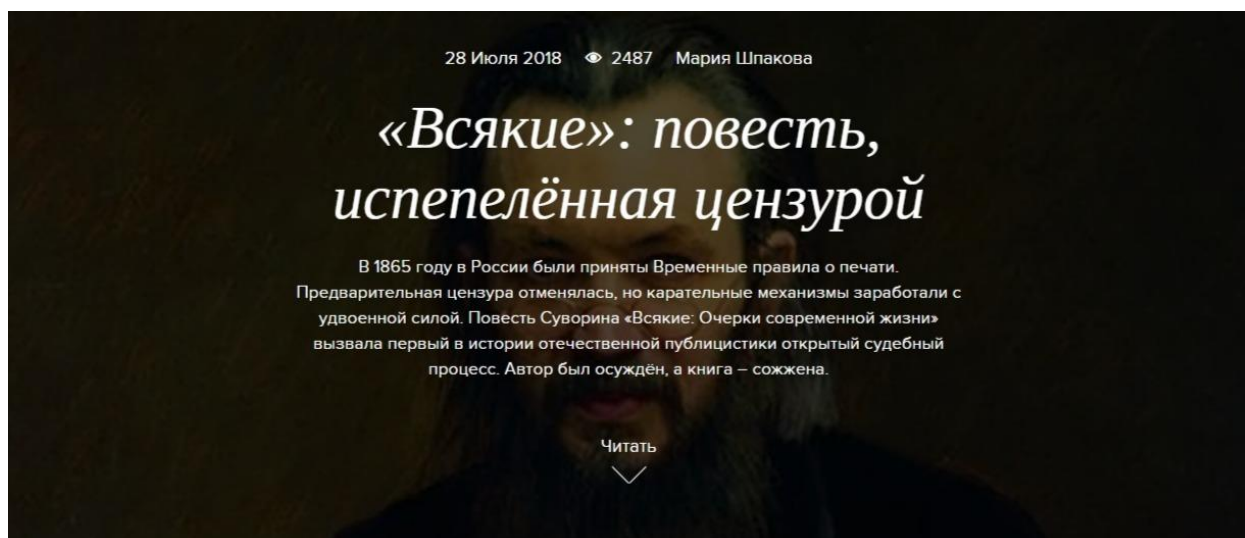
Итак, за время летней практики я познакомилась со спецификой издания исторической направленности. Из требований, предъявляемых к публикациям, отметила для себя следующие:

- обязательное указание исторических источников, на которые автор опирался при написании статьи;
- если иллюстрации заимствуются с других сайтов, ссылка на них обязательна;
- информация не должна содержать грубых фактических ошибок.

Мои работы были высоко оценены шеф-редактором Diletant.media и практически не подвергались правкам, поскольку стиль их полностью соответствовал стилистике проекта.

По окончании мне было предложено дальнейшее сотрудничество с редакцией сайта. В октябре вышел мой материал «Жизнь профессора Менделеева» с фотографиями из музея-архива химика, который я также прилагаю.

Приложение

«Всякие»: повесть, испепелённая цензурой (публикация: <https://diletant.media/articles/42648174/>)

В 1865 году в России были приняты Временные правила о печати. Предварительная цензура отменялась, но карательные механизмы заработали с удвоенной силой.

Повесть Суворина «Всякие: Очерки современной жизни» вызвала первый в истории отечественной публицистики открытый судебный процесс. Автор был осуждён, а книга – сожжена.

Неискусная и нецензурная

«Это вовсе не повесть, а просто заметки, отрывки из дневника, писанные в разное время, под разными впечатлениями, и на живую нитку связанные интригой, довольно неискусной», — говорил сам Суворин. Фельетоны под заглавием «Всякие. Нечто вроде повести» печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях», где работал будущий известный издатель. Сочинения подписывались псевдонимом А. Бобровский.

До принятия Временных правил они публиковались по мере написания: с июля по сентябрь 1865 года свет увидели 16 глав. «Вообще цензура народного просвещения была в то время гораздо снисходительнее, чем она стала, когда перешла в министерство внутренних дел и когда газета стала выпускаться якобы без цензуры». После утверждения нового закона фельетонные сочинения Суворина то и дело вызывали недовольство, и газета

«...уже 20-го сентября получила первое предостережение за статью самую безобидную, но задевавшую одного из второстепенных чиновников».

Суворин признавался, что пошлые речи помещиков записаны им чуть ли не дословно. Имена одних героев — подлинные, других — изменены. Так, Чернышевский, скрывающийся под фамилией Самарского, не мог быть не узнан цензором. Смелые мысли «о земствах, о необходимости центрального объединительного земского собрания и о земском соборе», содержащиеся в фельетонах, могли стоить Коршу, редактору «Ведомостей», его газеты. Когда дальнейшая публикация «Всяких» стала невозможной, Суворин решает дописать их и издать отдельной книгой.

К чему приводят покушения на императоров

Подготовка «Всяких» завершилась к марту 1866 года. «Книжка представлена была в цензуру в начале Страстной недели. Но через день была возвращена обратно в типографию, так как переплётчик пропустил один лист. Пока исправлялся этот недочёт, настали «неприсутственные дни»... В исправленном виде книжка послана была только в понедельник, на Фоминой, утром, а к вечеру весь Петербург был глубоко потрясен известием о покушении на жизнь императора Александра II».

Начались проверки и обыски, публицисты подвергались арестам. Суворин решает повременить с выпуском книги. Чтобы отозвать её из цензуры, он пишет министру внутренних дел П. А. Валуеву. Но письмо осталось без ответа, а книга была арестована.

Процесс и приговор

«Чуть не накануне суда я ехал в Царское Село вместе с прокурором, который должен был обвинять меня. Мы были хорошо знакомы, и разговор шёл о моей книжке, и такой разговор, что я мог вынести из него самое благоприятное для себя впечатление. Но когда на скамье подсудимых я услышал грозную речь и требование заключить меня в тюрьму на три месяца, меня бросало в жар».

Благодаря хлопотам адвоката К. К. Арсеньева приговор был смягчён: Суворин получил трёхнедельное заключение на гауптвахте. «Несмотря на этот короткий срок, я узнал, как тяжело лишение свободы». С произведением же обошлись куда строже: «Всякие» были сожжены. Причём Главное

управление настаивало на уничтожении даже корректурных и дефектных листов, чтобы пресечь возможность любого распространения.

В повести Суворин иронично обращался к цензору: «Я был откровенен, я не лукавил и, надеюсь, не дал работы твоему, о страж по делам печати, красному или синему карандашу...» Но карандаш потрудился на славу: уцелевший экземпляр, выкупленный Сувориным у букиниста, пестрел цензурными отметками. Лишь в 1909 году автор решится переиздать повесть вновь.

Колоритные персонажи

Главный герой «Всяких» — семинарист Ильменев, окончивший курс в Медико-хирургической академии. С литератором Самарским его роднила жажда борьбы. Ильменев участвовал в подбрасывании прокламаций, но понял неэффективность такого метода протеста. Герой, «преступник, представленный как нравственная сила», скрывается от полиции. Он бежит из Петербурга в Сибирь, освобождает своего отца-каторжника и уезжает с ним в Америку.

Ещё одна героиня, встречающаяся на протяжении всей повести, — Людмила Ивановна, нигилистка с остриженными волосами. Она «любила до страсти» Самарского. Живёт переводами и уроками, работает в типографии. Но особенно она хлопочет об устройстве женских артелей и пропагандирует новые идеи о социальном положении женщины.

Князь Щебынин — личность бесхарактерная. Он стоит за нигилистов и некоторое время даже подражал Базарову. Жена ушла от князя, но спустя время её сестра сообщает Щебынину, что у него есть сын. Сам же князь, как ему кажется, безнадежно влюблён в Людмилу Ивановну.

Без вины ли виноват?

Прокурор обвинял Суворина в том, что тот подверг правительство резкому порицанию. Представлялась такая картина: власть подкупает редакторов, а под видом свободы печати допускает прежние стеснения. Намёк на то, что важные должности вверяются в России бездарным и подлым людям, возбуждает ненависть к чиновникам. Дворянское же сословие показано в повести безнравственным, попирающим святость брака. А ещё, согласно обвинению, Суворин сочувствовал политическим агитаторам, подвергшимся преследованию: например, исполнение приговора над политическим преступником (в котором узнаётся Чернышевский)

описано нарочно так, чтобы распалить в читателе «отвращение к действию карающего закона».

В целом же повесть удостоилась такого резюме: «Сочинение Суворина принадлежит к разряду тех произведений печати, которые, не представляя собой ничего полезного, могут только вносить смуту в неопытные умы, возбуждая в них безотчётное раздражение против существующего порядка вещей».

Справедливы ли эти обвинения? Вот лишь некоторые яркие цитаты, мимо которых не прошёл бы ни современник, умеющий читать между строк, ни бдительный цензор.

О борьбе

Пошумите, либеральничайте, милые дети, это даёт моцион лёгким.

А что молодёжь хочет быть независимой, не хочет преклоняться перед посредственностью, не хочет смотреть на злоупотребления закрыв глаза, так это в её же пользу говорит.

Физическая природа тем прекраснее, чем она разнообразнее; чем больше цветов, тем картина ярче, оживлённее. Разности сглаживаются, тонут в общей гармонии, и выходит прекрасное целое. Посмотрите же на однообразную степь — разве не пугает она вас видом своим? То же самое в жизни государственной. Дайте арену для борьбы мнений, дайте поприще, на котором бы силы каждого могли быть приложимы, и вы увидите, какая широкая, какая чудная жизнь закипит, как быстро сгладятся все разности и как быстро вырастет наша родина...

В скверные минуты я думаю иногда, что если б Дарвин был русский, то ему и в голову не пришло бы выдумать «борьбу за существование». Выдумал её он потому, что он — англичанин. Англия — по преимуществу страна борьбы, там все ведут борьбу — растения с растениями, животные с животными. И какая борьба!.. А у нас что? Ширь и гладь и благодатный сон. Места вволю — поди и разгуливай. О борьбе никто и не думает. Да и кто выйдет на борьбу...

О чиновниках

Я вот что скажу тебе: при прежних царях-то, давно, с сотню лет назад, пытка была. Хорошее, я тебе скажу, дело это было.

Ведь я глуп, необразован, ведь я глупее вас, а езжу в каретах...

О цензуре

Вот, поглядите корректурный лист — точно клетки наделаны. Вот квадратик. Вот вместо «французская революция» поставлено — «события конца XVIII века», вместо «свобода» — «льготы», вместо «страна требовала себе прав» — «страна заявляла о своих нуждах»... Скажите пожалуйста, отчего всего этого нельзя сказать?..

- А, видно, нельзя. Вам ведь позволю только, — шутя сказал Ильменев, — вы в самом деле напишете такую нелепость, что страна требует себе прав.

- Да ведь это о Мексике говорится.

- И Мексика не смеет требовать. Пусть заявляет о своих нуждах... Заявлять можно...

Скажешь, что богатые студенты плохо учатся и разъезжают только на рысаках, — вам говорит редактор, что вы восстанавливаете неимущие классы на имущих. Скажешь, что между дворянами есть дураки и негодяи, — говорят, что сословия раздражаешь. Выругаешь станového, — подрываешь доверие к администрации. Выведешь незаконную любовь, — говорят, нарушаешь святость брака... Грустных нот чтобы не было: понимаете, чтоб ликование было повсюду — блестящие балы, верные жёны, блаженствующие супруги, честные чиновники и благодарные мужики, со слезами радости встречающие своих господ.

О женском вопросе

- У такой хорошенькой, как вы, должна быть целая лавка самых свежих нарядов.

- Э, батюшка!.. Без этого мы обходимся. А вот скверно, когда в головке не совсем свежо.

А ещё лучше полнейшее незнание: в незнании — поэзия; пусть девушка думает, что мужчина только усами и бородой да платьем отличается от женщин, что брачные отношения заключаются в том, что муж щекотит свою жену.

- Отчего же вы в брате моём не отчаиваетесь?

- Он мужчина, а вы женщина. Он свободнее, чем вы...

О жизни

Надоела жизнь — а ты всё-таки живи; наконец, если слишком мерзко стало выкинь штуку какую-нибудь. Поди нагруби какой-нибудь важной птице, наделай ей пакостей. Немного и утешись... Я иногда люблю штуками пьяных — не шутя. Тут бездна отваги, а отвагу я уважаю даже у пьяных...

Честность — понятие эластичное и гнётся под самым лёгким напряжением.

О знатности

Я бы ни за что не хотел происходить в особенности от остзейских баронов, потому что у них, говорят, господствует ленточная глиста.

Извините меня, но у нас, в Америке, честь мундира — нелепое выражение; у нас есть честь гражданина, человека, а чести мундира, фрака, чести галстука или какой другой принадлежности мужского туалета — нет.

Много ли у нас родов в самом деле доблестных? По пальцам перечтёшь. Да эти и ведут себя прилично. На неприличие идёт именно пустозвонное тщеславие, стремящееся к разъединению, к созданию замкнутой привилегии. И всё это, поверьте мне, червь крепостничества точит их, сожаление о прошлом ничегонеделании, о барстве подмывает их. Ведь они царьков в своих поместьях разыгрывали, крестьяне им руку целовали. Поверьте мне, все эти господа выеденного яйца не стоят.

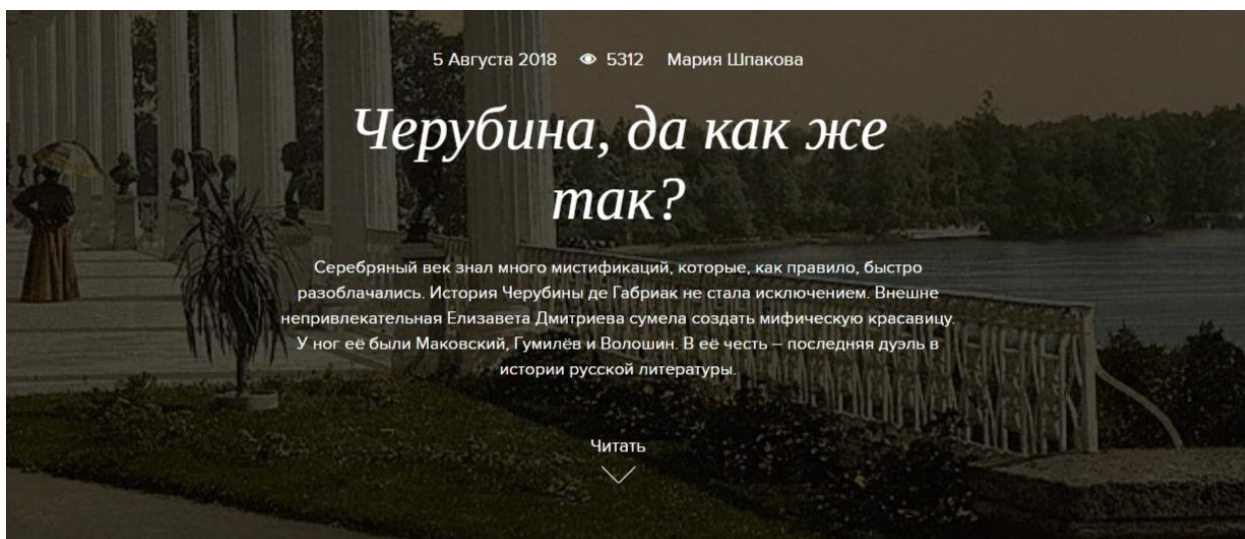
О Петербурге

Для петербуржцев достаточно было бы десятка имен, чтобы отличить их друг от друга.

Да, безразличие и бесхарактерность — явление обыкновенное в таком обезличенном городе, как Петербург. Тут люди, как здания — по мерке выкроены и пригнаны друг к другу плотно; даже скала, на которой скачет Петр Великий, и та обтесана — это логично, ибо обтёска началась именно с Петра и продолжается до сего дня.

Это в Москве можно делать. Там всё ещё патриархами пахнет, а у нас попробуйте-ка... Тут, батюшка, уж европеизм, бюрократические тонкости...

Источник: Суворин А. С. Всякие: Очерки современной жизни / [Соч.] А. С. Суворина. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1909.

Черубина, да как же так?

(публикация: <https://diletant.media/articles/42756217/>)

Серебряный век знал много мистификаций, которые, как правило, быстро разоблачались. История Черубины де Габриак не стала исключением.

Внешне непривлекательная Елизавета Дмитриева сумела создать мифическую красавицу. У ног её были Маковский, Гумилёв и Волошин. В её честь – последняя дуэль в истории русской литературы.

Детство и юность — что правда, а что вымысел?

От отца, учителя средней школы, рано умершего от чахотки, Елизавете Дмитриевой досталось слабое здоровье: «Я целых десять месяцев была погружена во мрак, я была слепой. Мне было 9 лет». Волошин в своём дневнике пишет о Дмитриевой: «Она была хрома от рождения и с детства привыкла считать себя уродом. В детстве от всех её игрушек отламывалась одна нога, так как её брат и сестра говорили: «Раз ты хромая, у тебя должны быть хромые игрушки»». Лиля рассказывала, что у брата часто случались нервные припадки, и вообще это был странный юноша: «Он, когда мне было 10 лет, взял с меня расписку, что я 16-ти лет выйду замуж, у меня будет 24 человека детей, и я всех их буду отдавать ему, а он их будет мучить и убивать». В биографии Дмитриевой, составленной из писем и дневников, можно найти много противоречий.

В одном месте она сожалеет, что у неё совсем не осталось воспоминаний ранее семилетнего возраста, в другом — рисуется: «Когда мне было 3 года, я отказалась от причастия. Я была очень горда. Я терпела, когда меня называли Лиля, но обижалась, когда называли Елизаветой просто.

Когда священник сказал: «имя Елизавета», я подкинула рукой ложечку и сказала: «Ивановна, Дмитриева!». Болезни и эксцентричные родственники — далеко не всё, в чём можно посочувствовать Лиле. Особенно трагично перенесённое в 13 лет насилие. Лицо надругавшегося над ней мужчины (кстати сказать, любовника матери) будет часто ей мерещиться. Правда, до сих пор неясно, реальны ли эти истории или выдуманы, чтобы подчеркнуть в глазах современников собственную своеобразность.

Зачем была нужна Черубина де Габриак?

1. Конкуренция аполлоновцев

Сотрудники журнала Сергея Маковского представляли собой два лагеря: «молодую редакцию», куда входили будущие акмеисты во главе с Гумилёвым, и второе поколение символистов, к которым был близок Волошин. Каждая из группировок соперничала за влияние на Маковского, и в какой-то момент «младшие» стали доминировать. Имя Черубины должно было отвлечь от них не на шутку влюблённого редактора.

2. Отказ Маковского опубликовать стихи Дмитриевой

Чтобы добиться успеха на литературном поприще, нужно быть... внешне привлекательной. Такой Дмитриева, как описывают её современники, увы, не была. Волошин, объясняя идею мистификации, обвинял Маковского: «Лиля, скромная, неэлегантная и хромая удовлетворить его, конечно, не могла, и стихи её были в редакции отвергнуты». Но показывала ли Дмитриева свои стихи редактору «Аполлона»?

Волошин как-то приносил её переводы, и они не были напечатаны. Однако то были не собственные её сочинения. При желании Дмитриева могла предложить свои стихи через Иванова, с которым была дружна, через Гумилёва или того же Волошина. На руку ей был и усилившийся в то время интерес к женской поэзии.

3. Попытка самоутвердиться

Цветаева говорила, что миф позволил скромной учительнице (Дмитриева преподавала русскую историю в Петровской женской гимназии) раскрыться: «В этой молодой школьной девушке, которая хромала, жил нескромный, нешкольный, жестокий дар, который не только не хромал, а, как Пегас, земли не знал». Портрет простушки не вяжется с тем, что

рассказывала о себе сама Дмитриева: «Гимназию окончила поздно, 17 лет, в 1904 году, с медалью, конечно.

Потом поступила в Женский императорский педагогический институт и окончила его в 1908 г. по двум специальностям: средняя история и французская средневековая литература. В это же время была вольнослушательницей в университете по испанской литературе и старофранцузскому языку». «После была и училась в Париже, в Сорбоне — бросила». Скромность, как видно, не мешала ей быть завсегдаем литературных собраний в «Башне» Иванова. Мнение Цветаевой сформировано рассказами Волошина, который нарочно создавал Лиле образ не замеченной вовремя поэтессы.

4. Эксперимент Волошина

Волошин много размышлял о том, что поэтическое творчество основывается на мифотворчестве. Шутка с Черубиной, по его ожиданиям, должна была претворить миф в жизнь, стать началом нового искусства. Мистификация требовалась ему для проверки своей теории. Цветаева писала, что и ей Волошин предлагал совместно создать сразу нескольких мифических поэтов. Но она отказалась.

5. Просто авантюристы

Жажда авантюры и провокаций — вот что объединяло Волошина и Дмитриеву. А потому неудивительно, что они решились на опасную игру, которая могла стоить им (а особенно Лиле) репутации.

Кто она такая?

«Я начну с того, с чего начинаю обычно, — с того, кто был Габриак, — рассказывал Маковский. — Габриак был морской чорт, найденный в Коктебеле... Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица». Габриак — это бес, противостоящий злым духам. Некрасивость сближала Дмитриеву с мифическим чудищем.

В 1909 году Лиля переводит с испанского «Октавы Святой Тересы». Волошин признавался, что многое из биографии Святой заимствовано и для персонажа де Габриак. Терезе являлся Иисус Христос. 15 лет она была больна и не могла молиться, а после выздоровления её преследует страх: может быть, она созерцала не Христа, а Антихриста? Испанское

произношение слова «херувим» — черубим. Это огненный ангел-страж, охраняющий путь к древу жизни в Раю. Он пронзает сердце Святой Терезы копьем — любовью.

Черубина также тяжело болеет. В отличие от своего прототипа она не была монахиней, но чувствовала, что является божьей избранницей. Главное, что объединяет Святую и вымышленную красавицу — независимый, пылкий характер. Неслучайно темы стихов: Крестовые походы, Испания и католический мистицизм, ведь Черубина принадлежит к богатому роду крестоносцев. Отец её — уроженец Южной Франции, мать — русская. Девушка-католичка проводит свои дни в уединении. Какой она представлялась Цветаевой: «Нерусская, явно. Красавица, явно. Католичка, явно. Богатая, о, несметно богатая, явно... И главное забыла: свободная — явно...»

Волошин, Гумилёв и другие

Вдохновителем Дмитриевой был Максимилиан Волошин. Несмотря на это, некрасивая Лиля долго не могла выбрать между ним и Гумилёвым: «М. Ал. — потому что самая большая любовь моя в жизни, самая недостижимая, это был Максимилиан Александрович»

«Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно — и к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: «Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву — я буду тебя презирать»».

«Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор!»

Такие страсти кипели на фоне обещания выйти замуж за Всеволода Васильева, инженера-мелиоратора по профессии.

Расстаться с Гумилёвым всё же пришлось: он сам разорвал их отношения. Да ещё и публично оскорбил Дмитриеву, за что получил вызов от Волошина. К счастью, последняя дуэль литераторов в русской истории закончилась без жертв. Вскоре Гумилёв сделает предложение Ахматовой, а Волошин, попытается уговорить Дмитриеву выйти за него и даже начнёт готовиться к разводу. Напрасно: его Черубина уходит к Васильеву.

Ещё один миф заключался в том, что у Дмитриевой была дочь от Волошина или от Гумилёва. Девочка Вероника, как предвидела, Лилия могла родиться у них с Волошиным, если бы они остались вместе. Всю жизнь её

преследовал призрак якобы рано умершей Вероники. На самом деле этот ребёнок остался лишь мечтой.

Некрасиво получилось

Единственным, кто с самого начала догадался об обмане, был Алексей Толстой. Он узнал в произведениях Черубины услышанные им ранее стихи Дмитриевой. У него хватило благородства не выдавать авантюристов. Роль разоблачителя была отведена другому — немецкому поэту фон Гюнтеру из группы «молодой редакции» «Аполлона». Он догадался о романтическом треугольнике и обмане и поделился с Кузминым, Кузмин — с Маковским. Сердце редактора, упивавшегося письмами и телефонными разговорами с загадочной Черубиной, словно облили ядом. Однако нужно отдать Маковскому должное: публично о мистификации объявлено не было. Читатели могли лишь заметить, что новые стихи де Габриак перестали выходить. Но в узких литературных кругах распространился слух о том, что сочиняла-то вовсе не Дмитриева, а Волошин! На это он ответил так: «В стихах я давал только идеи и принимал как можно меньше участия в выполнении».

Удар по Маковскому, смешная дуэль двух поэтов, психологическое раздвоение Дмитриевой и десятки обвинений в её адрес — вот чем закончилась игра в Черубину де Габриак.

Ли Сян Цзы — последняя мистификация

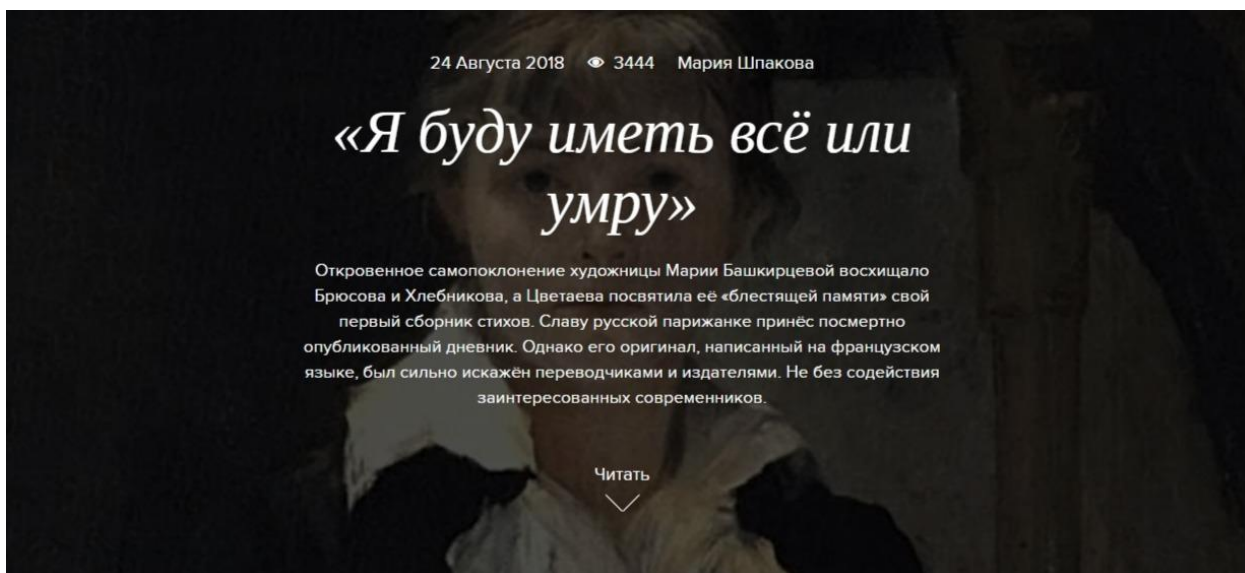
В 1911 Лиля вышла замуж за Васильева и уехала из Петербурга. Её новым увлечением становится антропософия. Теперь Елизавета — первый официальный представитель антропософского общества в России. Этот интерес даёт ей силы вернуться к стихотворчеству.

В 1919 году, переехав в Краснодар, она пишет пьесы для детского театра вместе с Маршаком, спустя три года они работают в Театре юных зрителей в Петрограде.

Но едва ли у истории мог сложиться счастливый финал: в 1927 году Лилю арестовывают за её антропософскую деятельность и отправляют на Урал. Потом — Ташкент, где работает муж. В южном крае она создаёт последнюю свою мистификацию — ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы.

В Ташкенте Елизавета Васильева заболевает раком печени и в 1928 году умирает. Уже будучи при смерти она признается своему мужу: «Если бы я осталась жить, я бы жила совсем по-другому».

Источники: Васильева Е. И. Исповедь: [Сборник] / Черубина де Габриак. — М.: АГРАФ, 1998.

«Я буду иметь всё или умру»

(публикация: <https://diletant.media/articles/43093090/>)

Откровенное самопоклонение художницы Марии Башкирцевой восхищало Брюсова и Хлебникова, а Цветаева посвятила её «блестящей памяти» свой первый сборник стихов. Славу русской парижанке принёс посмертно опубликованный дневник. Однако его оригинал, написанный на французском языке, был сильно искажён переводчиками и издателями. Не без содействия заинтересованных современников.

«Я сама своя героиня»

«Читайте, добрые люди, и поучайтесь! Этот дневник — самое полезное и самое поучительное из всего, что было, есть и будет написано!»

Один еврей-гадальщик предсказал матери Марии Башкирцевой, что дочь её будет знаменита. С ранних лет домашние лелеяли Мусю и потакали капризам. В предисловии она говорит, что родилась 11 ноября 1860 года, на самом же деле двумя годами ранее. Должно быть, мать посчитала, что такая фальсификация будет на пользу имиджу рано раскрывшегося таланта. Долгое время Мария думала, что появилась на свет недоношенной. В действительности это ещё один обман: у неё «отняли» пару месяцев, чтобы скрыть добрачное зачатие.

Родилась Башкирцева под Полтавой. Отец — дворянин, сын генерала. Мать — урождённая Бабанина: «Дедушка всегда похвалялся тем, что происходит от татар времён первого нашествия». После двух лет супружеской жизни мать Муси возвращается в родительский дом: «Я

оставалась всегда с бабушкой, которая обожала меня, и с тётёй, которая, впрочем, иногда уезжала вместе с моей матерью».

В 1870 году Мария тоже покидает Россию — её влечёт заграничная жизнь: Вена, Баден-Баден, где она «впервые познала, что такое свет и манеры», Рим, Ницца... В Монте-Карло с матерью и тётёй она посещает казино, хотя это запрещено детям. Но настоящий азарт у неё вызывает не рулетка, а науки: «Я имею понятие обо всём, но изучила глубже только историю, литературу и физику, чтобы быть в состоянии читать всё-всё, что интересно. А всё интересное возбуждает во мне настоящую лихорадку».

Воспитанием Муси занимались гувернантки, которых она щедро угощала барским высокомерием: «На уроке я попросила m-lle Колинъон дать мне одно арифметическое объяснение. На это она мне сказала, что я должна понять сама. Я ей заметила, что вещи, для меня непонятные, мне должны объяснить. «Здесь нет никаких должны», — сказала она. — «Должны уместно повсюду!» — отвечала я». Домашние уроки не удовлетворяли девушку, поэтому она сама составила себе программу занятий (9 часов ежедневно!), чем удивила директора лицея в Ницце: «Мне тринадцать лет; если я буду терять время, что же из меня выйдет!» Жажущая триумфов, Мария пожелает стать певицей, но помешает воспаление гортани — первый звонок роковой болезни. Муся не была бы собой, если бы отказалась от честолюбивых планов: «К чему лгать и рисоваться! Да, несомненно, что моё желание, хотя и не надежда, — остаться на земле во что бы то ни стало». Как юной, образованной особе с неплохим приданым завоевать мир? С помощью художественного таланта, трудолюбия или... мужчины?

«Любовь чистая и любовь не чистая»

«Никогда не понравится мне человек ниже меня по положению; все банальные люди мне противны, раздражают меня».

Как-то на улице Муся встречает герцога Гамильтона и влюбляется в него. Разумеется, страсть останется безответной. Но за первой влюблённостью следует вторая... И вот на горизонте появляется Пьетро Антонелли, сын кардинала. Всё, вроде бы, обоудно и почти по-взрослому, но «красный папа» против их брака. Говорят, загвоздка в её вероисповедании, но скорее — в репутации Бабаниных, из-за которых Мусю редко приглашают в высший свет. Во-первых, за границей наслышаны о выходках её дяди Жоржа — повесы и пьяницы, клянчащего (а иногда и ворующего) деньги у родственников, вечно разыскиваемого полицией. Башкирцева была,

наверное, единственной, кто мог его утихомирить. Например, с помощью хлыста. При публикации дневника мать Муси исключает отрывки, где упоминается Жорж: в дореволюционном русском издании имя его встречается только раз.

Во-вторых, дорогая тётя Надин была замешана в почти десятилетнем судебном процессе, который помотал нервы всему семейству Бабаниных. Зато здорово увеличил бюджет! Муж тёти, богатый старик Фаддей Романов, скончался, оставив жене всё имущество. Но родня его усомнилась в подлинности завещания и подала на вдову в суд: они подозревали, что Фаддей был отравлен. Дело замяли не без подкупа судьи. Но этот анекдот, конечно, вычеркнут из дневника. Как и увлечения Муси знатными мужчинами. В Ницце это Эмиль д`Одиффре, которого впоследствии она забросает анонимками и даже задумает написать о нём разоблачительный роман. В Неаполе — граф Лардерель: страницы, ему посвящённые, были вырваны — самой Башкирцевой или, может быть, её матерью. В Париже — бонапартист Поль де Кассаньяк. Овощными, ягодными букетами одаривал Марию князь Сутцо. Правда, расположения так и не добился: «Я не люблю вас. Станьте богатым, тогда посмотрим! Ограбьте банк, а если не можете, ступайте домой и разможжите себе голову о стену!»

Не найти в изданной версии истории переписки с Ги де Мопассаном. Несмотря на несчётное количество интрижек, замуж Башкирцева так и не вышла. В последний год жизни она сблизится с живописцем Жюлем Бастьеном-Лепажем, как и она, смертельно больным: «Он парит уже где-то выше нас. Бывают дни, когда и я чувствую себя так». Бастьен-Лепаж останется для Марии скорее другом и учителем, чем возможным любовником. Будучи на пороге смерти, они виделись почти ежедневно и разговаривали об искусстве. Он умрёт спустя пять недель после Башкирцевой.

«Тона картины зависят от состава красок»

«Дело в том, что «Сидящая Богородица» Рафаэля мне не нравится. Лицо Богородицы бледно, цвет лица какой-то неестественный, выражение — подходящее скорее какой-нибудь горничной, чем Святой Деве, матери Христа».

Критик проснулся в Мусе раньше художника. В Париже она поступает в Академию Жулиана — одно из немногих мест во Франции, где девушек обучали живописи, — и упорно занимается. Цель её — слава, но сперва нужно догнать и обогнать лучших учениц академии: «Меня тревожит эта негодяйка Бреслау. Она удивительно одарена и, уверяю вас, она добьётся чего-нибудь совсем недурного».

Работы Башкирцевой принимает Салон, её награждают и предрекают большое будущее. Но разве этого достаточно? Муся слывёт «как существо способное, но совершенно невыносимое из-за непомерного тщеславия, превосходящего всё представимое». На одной из выставок Башкирцева ожидала получить медаль, но была удостоена лишь отзыва: «Божидар [прим. — приятель Башкирцевой, потомок сербских королей] добыл сей разлюбезный ярлык и принес мне: кусок картона с надписью «Почётный отзыв». Я тотчас же прицепила его к хвосту Коко». За эту дерзость жюри обозлится на эгоцентричную русскую барышню, и на следующей выставке она не получит ничего. В опубликованном дневнике не рассказывается о том, как хладнокровно художница писала картину «Убитый», не смущаясь видом мёртвого рыбака, найденного в сосновой роще. Башкирцева работала до тех пор, пока чахотка не одолела её окончательно. Даже в предсмертной агонии Мария сокрушалась из-за неоконченных произведений.

«Оставьте женщину на её месте»

В изданной части мы не прочитаем о том, что Башкирцева под именем Полины Орелль числилась в парижском обществе суфражисток. Его основательница Юбертина Оклер так рьяно боролась за равенство полов, что даже отказывалась платить налоги: «У меня нет прав, а значит нет и обязанностей, я не голосую, я и не плачу». Мария посещает собрания, изменяя внешность, и регулярно делает членские взносы. Досадно, но среди знакомых художниц ей не найти единомышленников: «Подумайте только, что у Жулиана из пятнадцати женщин оказалась только одна, которая не смеялась и не крестилась при мысли об эмансипации женщин; одни это делали из невежества, другие — потому что это неприлично». Ещё она спонсирует женский журнал «Гражданка». В 1881 году на его страницах появляется текст Башкирцевой (непреренно под псевдонимом) о дискриминации в искусстве. Войдя во вкус, она пройдётся в своих статьях и по Салонам, и по жюри академии, и по давней конкурентке Бреслау.

«Петербург — гадость! Зимний дворец — казармы, Большой театр — тоже...»

Башкирцева до страсти любила Европу и не очень-то стремилась вернуться в Россию: «Мои соотечественники не возбуждают во мне никакого особенного волнения или того восторга, какой я испытываю, когда снова вижу знакомые места; но я чувствую к ним симпатию, и мне приятно быть с ними». Теплота патриотизма, о которой писал Толстой, у Муси была ещё какой скрытой. Влечение к родному обнаруживалось в ней лишь в редкие визиты домой: «Я была уже в России... Здесь большая станция, чиновники изящны и замечательно вежливы. Мне казалось, что я нахожусь в идеальной стране — так всё хорошо. Здесь простой жандарм лучше офицера во Франции».

Между прочим, талант Льва Николаевича она оценивала высоко, но не выше, чем француза Золя. Это, очевидно, не могло понравиться её землякам, и потому было исключено из русского издания. А вот реакция Башкирцевой на известие о покушении на Александра II в 1879 году: «...На меня это так подействовало, что, я ничего не понимала; все поднялись, чтобы взглянуть на меня, я побледнела, на глазах были слезы, губы дрожали. Милейший Жулиан, думая, что я всегда смеюсь надо всем, вздумал пошутить». Впрочем, подобные эмоции могли быть вызваны не верноподданностью, а свойственным Муси обожанием всяких великородных фамилий.

«Надеюсь, что люди вообразят меня гением»

«И я не только всё время говорю то, что думаю, но могу сказать, что никогда, ни на одну минуту не хотела смягчать того, что могло бы выставить меня в смешном или невыгодном свете. Да и наконец, я для этого слишком высоко ставлю себя».

Откровенность дневника мешала матери Башкирцевой создавать посмертный культ художницы. Поэтому при публикации отметалось всё, что могло скомпрометировать Мусю и семейство Бабаниных. Опускались, к примеру, части предложений: «Каждый вечер, ложась спать, я читала про себя следующую дополнительную молитву: «Господи! Сделай так, чтобы

у меня никогда не было оспы, чтобы я была хорошенькая, чтобы у меня был прекрасный голос, чтобы я была счастлива в семейной жизни и чтобы мама жила как можно дольше!»», Из этого отрывка выброшены якобы порочащие девушку слова: «...сделай так, чтобы у меня были кавалеры, которые ухаживали бы за мной...». Издатели разом стёрли 1874-й год, заполнив пропуск редкими отрывками из 1875-го. А ведь художница вела записи регулярно, аккуратно датируя.

Из-за недостающих текстов может сложиться впечатление, что Мария порой страдала без явных причин. Перечёркнутые описания домашних ссор искажали подлинное отношение Башкирцевой к родным: «В других семьях устраивают друг другу сюрпризы, это поддерживает дружбу, умиляет, это так хорошо. У нас ничего этого нет... Живём, как собаки».

Больше всего она боялась остаться неизвестной: «Жить, обладать таким честолюбием, страдать, плакать, бороться и в конце концов — забвение... забвение, как будто бы никогда и не существовала...».

Болезнь поразит её лёгкие, отнимет слух. Глухота — крепкий удар по неизлечимой гордыни: «Меня это так раздражает во время работы; я всё опасаясь, что не услышу того, что скажет модель или кто-нибудь в мастерской, или что будут смеяться... или, наконец, будут говорить ради меня слишком громко». Свои недостатки Башкирцева видела так же ясно, как и достоинства: «Я глупа, у меня нет такта, и никогда не было. Укажите мне хоть на одно моё умное слово или разумный поступок. Ничего, кроме глупостей! Я считала себя умной, а я нелепа».

Последняя запись сделана 20 октября 1884 года: через одиннадцать дней 25-летней художницы не станет. Дневник же, пусть и неполный, обретёт в начале XX века популярность среди француженок и русских девушек и увековечит её девиз: «Ничего — прежде меня, ничего — после меня, ничего — кроме меня».

Источники:

Башкирцева М. К. Дневник / Мария Башкирцева. — [Переизд.]. — Москва: Захаров, 2014.

Александров А. Л. Мадемуазель Башкирцева. Подлинная жизнь / Александр Александров. — М.: Захаров, 2003.

23 Октября 2018 4830 Мария Шпакова

Жизнь профессора Менделеева

В жизни профессора Дмитрия Менделеева было немало курьёзного: от педантичного собирания чеков до скандальных обвинений в прелюбодеянии и подкупе священника. В здании Двенадцати коллегий, где учёный работал и квартировался, хранятся свидетельства и научных трудов, и малоизвестных увлечений химика.

Читать

Жизнь профессора Менделеева

(публикация: <https://diletant.media/articles/43989219/>)

В жизни профессора Дмитрия Менделеева было немало курьёзного: от педантичного собирания чеков до скандальных обвинений в прелюбодеянии и подкупе священника. В здании Двенадцати коллегий, где учёный работал и квартировался, хранятся свидетельства и научных трудов, и малоизвестных увлечений химика.

Случайные Менделеевы

Родственники Дмитрия Ивановича по отцовской линии носили фамилию Соколовых. До окончания Тверской духовной семинарии Соколовым был и отец учёного Иван Павлович. Семинаристы, как правило, получали фамилию по церкви, в которой им предстояло служить. Иван Павлович был отправлен на службу в Тверскую губернию во владения дворян Менделеевых. Так, не имея никаких связей со старинным родом, семья будущего учёного тоже стала Менделеевыми. Но передавать фамилию детям могли только дворяне. К 1834 году, когда родился Дмитрий Иванович, его отец давно получил дворянский титул, а значит сын мог наследовать фамилию от него. Если бы не юридические тонкости XIX века, мы имели бы сейчас Периодический закон и таблицу Соколова.

Последний станет первым

Дмитрий Иванович — последний ребёнок в семье, семнадцатый, а не четырнадцатый, как иногда пишут биографы. Трое младенцев четы Менделеевых умерли незаписанными, даже не получив имён.

Когда отец потерял зрение, а с ним и должность директора гимназии, семейные заботы легли на плечи Марии Дмитриевны, матери Менделеева. Она происходила из известной в Сибири семьи Корнильевых. Брат отдал ей полуразрушенный стекольный завод недалеко от Тобольска. На тот момент в распоряжении Менделеевых были 160 крепостных душ. Стараниями матери завод вновь начал производить мелкую посуду. Там мальчиком Дмитрий Иванович мог наблюдать за работой стеклодувов.

Чтобы последыш не скучал без дела, его шести лет отроду отдают в Тобольскую гимназию. Учились там семь лет и принимали с семи, поэтому Менделеев вынужден был два года оставаться в первом классе. Оценки выставлялись от нуля до пяти, и Дмитрий Иванович нередко хватал нули по закону божьему и поведению. Как он писал, из класса в класс его переводили, потому что видели в нём какие-то задатки. На деле юношу выручали знакомства родителей — отец его до болезни возглавлял эту самую гимназию. Поручиться за Дмитрия Ивановича было кому: русскую словесность ему преподавал Пётр Павлович Ершов, автор знаменитого «Конька-Горбунка». Позднее он станет руководить гимназией. Семья Ершовых была дружна с Менделеевыми. Более того, в 28 лет Дмитрий Иванович женится на приёмной дочери Ершова Феозве.

Россия в XIX веке делилась на учебные округа, в каждом из которых было по университету. Тобольск принадлежал к Казанскому округу. Закончи Менделеев отлично классическую гимназию, мог бы стать студентом Казанского университета. Но тогда он, кажется, мало думал о науке: по старой гимназической традиции, вместе с друзьями сжёг учебники, а решать свою дальнейшую судьбу предоставил матери. Отец к этому времени уже умер, а старшие братья и сёстры жили самостоятельно. Мария Дмитриевна пожелала, чтобы сын непременно получил высшее образование. Она продала имущество в Тобольске и поехала в Москву к брату, чтобы тот помог племяннику устроиться в первопрестольной. Дядя выручить не смог, зато на одном из его вечеров Менделеев был впечатлён встречей с самим Гоголем.

Нет дороги — иди в педагоги

При вскрытии трупа на вступительном экзамене Менделеев упал в обморок — так для него закрылся путь в медицинскую академию. Он поступил в Главный педагогический институт на физико-математический

факультет. И опять, как когда-то в гимназии, в неприёмный год — тогда студентов набирали раз в два года. Поэтому Дмитрий Иванович дважды оставался первокурсником. Институт в то время делил здание Двенадцати коллегий с университетом. Менделеева взяли казённокоштным, а значит, по окончании обучения он должен поработать простым учителем.

Диссертация Менделеева об изоморфизме принесла ему медаль и право на стажировку в Германии. Там он занялся капиллярными свойствами жидкости, участвовал в химическом конгрессе в Карлсруэ — в общем, полностью отдался работе, и за своё усердие получил внебрачную дочь от немецкой актрисы.

По возвращении в Петербург учёный стал редактором технической энциклопедии и написал первый русский учебник органической химии.

Шумные среды

31 декабря 1865 года Менделеев защищает знаменитую диссертацию о соединении спирта с водой, и в 1866 году ему как профессору химии выделили квартиру рядом с университетской лабораторией. Первым хозяином квартиры был Воскресенский, учитель Менделеева. В гостиной Дмитрия Ивановича часто собирались друзья и коллеги — сначала по пятницам, потом по средам. Здесь бывал дедушка русской ботаники (и родной дедушка Александра Блока) Бекетов, Вагнер, основавший зоологическую станцию на Соловках и написавший «Сказки Кота-Мурлыки», физик Петрушевский, Репин, Крамской, критик Стасов. Все гости могли оставить цветным мелом на памятной скатерти свои автографы, а жена и дочери вышивали их нитками.

Учёный-прелюбодей

Есть версия, что первая жена Менделеева была старше его на шесть лет. Такой брак в XIX веке считался неприлично смелым. Но если судить по свидетельству о венчании, разница между супругами — всего год. Правда, паспорт тогда в церкви не спрашивали, и в достоверности записи можно сомневаться. В квартире Дмитрий Иванович жил один — отношения с супругой разладились, и вскоре он нашёл ей замену. Сестра попросила

профессора приютить у себя племянницу, студентку Академии художеств. Та и познакомила дядю со своей семнадцатилетней подругой Анной. Профессор стал часто приглашать девушку на свои вечера. Итог — беременность Анны (она ожидала Любовь Дмитриевну, в которую было суждено влюбиться Блоку) и обвинение от законной жены в прелюбодеянии. Святейший Синод навсегда запретил Менделееву жениться, но тот всё равно венчался, подкупив священника. Бекетов выпросил у Феозвы Менделеевой согласие на развод. Дело дошло до Александра II, который признал новый брак учёного.

На большом воздушном шаре

В августе 1887 года недалеко от Клина ожидалось солнечное затмение. Русское техническое общество выделило Дмитрию Ивановичу аэростат, чтобы тот на высоте 3300 метров смог наблюдать солнечную корону. Накануне полёта был дождь, поэтому шар никак не хотел взлетать. Профессор же торопился: затмение длилось три минуты. Менделееву оставалось только выпихнуть из корзины пилота и выбросить балласт, что он и сделал. Внизу начался переполох, улетевшего учёного искали по направлению ветра и даже снарядили поезд. А Менделеева отнесло в другую сторону, к Твери. Спускался он эффектно: с раздувавшейся бородой (сам говорил, что брился и стригся раз в год — весной к теплу), трубя и размахивая белым флагом. За храбрый полёт Менделеев получил диплом и медаль, которая сейчас хранится в музее.

Чемоданы и самокрутки

Менделеев увлекался фотографией (даже хотел одно время оставить науку и открыть фотоателье) и собирал альбомы с произведениями искусства, потому что картины были ему не по карману: например, «Лунная ночь на Днепре» Куинджи стоила 5 тысяч рублей, а жалованье профессора химии в год составляло 3 тысячи. Есть легенда, что Дмитрий Иванович клеил чемоданы и чуть ли не выставлял их на продажу в Гостином дворе. Правда ли это — трудно сказать, но сохранился столик, сделанный руками профессора. А ещё благодаря ему в Петербурге появились первые электрические уличные часы.

С гимназических времён Менделеев полюбил самокрутки. Когда ему говорили, что курить вредно, профессор отвечал: «Это всё ерунда. Я пропускал дым через ватку с бактериями. Бактерии погибли не все». Но в могилу его свели как раз больные лёгкие: он умер от воспаления, не дожив шести дней до 73 лет.

Экскурсию провёл научный сотрудник Музея-архива Д. И. Менделеева при СПбГУ Николай Поздняков.